

Жанрово-содержательные аспекты имагологической репрезентации в романе Ш. Монтескье «Персидские письма»

Поляков Олег Юрьевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика конструирования национальных образов в романе Ш. Монтескье «Персидские письма» с опорой на анализ взаимодействия имагологических и жанровых стратегий автора.

Основными характеристиками имагологической репрезентации в произведении являются преднамеренная экзотизация национального нарратива и относительная статичность нарраторов, наблюдателей национальных «других», способствующие максимально эффективному использованию в романе техники остранения, «очуждающего видения» инокультурной среды, что позволило создать атмосферу условности повествования, подчеркнуть контраст цивилизационных миров Запада и Востока.

Имагологическая репрезентация в «Персидских письмах» осуществляется в рамках полижанровых стратегий, в единстве фактологического и фикционального: документальное начало дает возможность использовать внесюжетную форму реализации имагологического содержания романа, а фабульный уровень текста – выразить взгляды автора на национальное и, шире, его философскую программу с опорой на вымысел, условность, с использованием аллегории.

Избранная Монтескье гетерогенная жанровая форма, включающая в свой состав черты поэтики эпистолярного романа, травелога, трактата и памфлета, способствует осуществлению комплексного, многостороннего имагологического анализа как на уровне глобальной бинарной оппозиции «Запад – Восток», которую представляют образы Франции и Персии, так и в плане рецепции писателем образов других стран – Италии, Испании, Турции, России, причем представителем «наблюдающей» нации становится не только житель Азии, но и европеец, на чьи оценки ссылаются авторы писем, и, таким образом, осуществляется ведение не прямой имагологической репрезентации.

Многовекторность и неоднозначность интерпретации национального в романе обусловлены антидогматическим характером мышления Ш. Монтескье, его стремлением к масштабным обобщениям отдельных «этнографических» фактов, представленных в сравнении, а также убежденностью в относительности культурных стандартов различных стран.

Значение «Персидских писем» заключается в том, что они намечают новую перспективу видения национального «другого», в основе которой идея культурного релятивизма, дающего возможность писателю через сопоставление национального «своего» с образами иных культур, народов, или гетерообразами, получить более объективное представление о национальном автообразе, подвергнуть его рефлексии.

Ключевые слова: имагология, национальный образ, репрезентация, остранение, травелог.

Роман Ш. Монтескье «Персидские письма» (1721) неоднократно привлекал внимание исследователей, анализировавших особенности воплощения в нем просветительских идей французского мыслителя (Н. А. Сигал) и научной мысли эпохи (М. В. Разумовская), изучавших его исторические, политические и культурные контексты (Е. Васильева, Г. А. Мухина, Т. Б. Длугач), взаимодействие в нем художественного и философского дискурсов (Н. В. Забабурова), а также особенности реализации поэтики рококо (Р. Лофер). В одной из последних коллективных монографий, посвященных этому роману, – «Дух “Персидских писем” Монтескье», – рассматриваются преимущественно историко-политические аспекты произведения. При этом имагологическая проблематика романа, его национальный текст характеризуются лишь фрагментарно, в связи с

чем в настоящем исследовании мы ставим задачу выявить специфику конструирования национальных образов в романе Монтескье с опорой на анализ взаимодействия в нем имагологических и жанровых стратегий.

«Персидские письма» занимают особое место в имагологическом каноне как одно из первых произведений, глубоко раскрывающих проблему взаимоотражения национальных образов, диалога Запада и Востока в контексте просветительских идей. Большое значение для определения особенностей рецепции и репрезентации национальных образов в этом произведении имеет анализ его жанровой природы, сложность которой провоцировала споры, приводила к неоднозначным оценкам. Так, в литературоведении и критике нередко говорилось о недостаточности романного действия и отсутствии органической связи между частями произведения – собственно фабульной, включающей прежде всего события в серале, который покинул один из рассказчиков, перс Узбек, для того чтобы расширить границы своего познания мира, открыть новые цивилизационные пространства, и документально-публицистической, или условно-документальной, представляющей в разрозненных письмах, разных по содержанию, стилю, тональности, калейдоскопическую картину французского национального бытия в эпоху Людовика XIV и в период Регентства. Эта картина, географические горизонты которой постоянно расширяются по мере «продвижения» авторов писем в пространстве Востока, Европы, Франции, выстраивается в соответствии с принципом «карусельного» повествования: нарраторы Узбек и его друг Рика, «пожалуй, первые из персов, которые любознательности ради покинули отечество и отказались от радостей безмятежной жизни, чтобы предаться прилежным поискам жизни» [5, с. 15], обозревают мир как бы из одной точки, «судят о нем по мере продвижения внутри него, не смешиваясь с ним» [3, с. 98]. Такой способ повествования дает писателю возможность максимально эффективно использовать технику остранения, «очуждающего видения» инокультурной среды глазами национального «другого». Монтескье так характеризовал эту стратегию в «Нескольких замечаниях о “Персидских письмах”» (1754): «Персияне, которым отведена там столь большая роль, оказались внезапно пересаженными в Европу, то есть в другой мир. Их надо было изображать на протяжении некоторой части книги исполненными невежества и предрассудков; автор старался проследить за тем, как возникали и развивались их мысли. А первые их мысли должны были быть странными... Вся прелесть заключается в резком контрасте между реальными вещами и странной, наивной или причудливой манерой, с какой эти вещи воспринимались» [5, с. 391–392].

Преднамеренная экзотизация национального нарратива позволяла писателю создать атмосферу условности повествования, подчеркнуть контраст двух цивилизационных миров. В целом имагологическая репрезентация в «Персидских письмах» осуществляется в рамках полижанровых стратегий, в единстве фактологического и фикционального. Не случайно в предисловии к первому изданию Монтескье акцентировал документальную основу своего произведения («Персы... сообщали мне большую часть своих писем; я их списывал» [2, с. 14]), а в «Нескольких замечаниях о “Персидских письмах”» называл его «своего рода романом» с логически развивающимися событиями и сюжетной взаимосвязью героев: документальное начало давало ему возможность использовать внесюжетную форму реализации имагологического содержания романа, а фабульный уровень текста – выразить свои взгляды на национальное и, шире, свою философскую программу с опорой на вымысел, условность, с использованием аллегории.

Избранная Монтескье форма эпистолярного романа соответствовала его замыслу, позволяя делать отступления, интерполяции, включать в повествование авторские рассуждения, в том числе о национальном: «в форме писем, при которой действующие лица не подобраны и где сюжет не зависит от какого-либо замысла или определенного плана, автор позволил себе присоединить к роману философию, политику и мораль, связав все это таинственной и некоторым образом незаметною цепью» [5, с. 390–391]. При всей разрозненности писем, составивших произведение Монтескье, такого рода «цепью», связующим звеном, обуславливающим единство романа, стали последовательная социально-философская концепция, реализованная в тексте, и единство личности его создателя, одного из провозвестников просветительского гуманизма и универсализма.

«Науки соприкасаются друг с другом; самые абстрактные приводят к наименее абстрактным, а весь корпус наук держится на художественной литературе [...]. Следовательно, правильно писать обо всем и во всех стилях. Философия не должна быть изолированной: она имеет отношение ко всему», – отмечал Монтескье [6, с. 11]. Не случайно поэтому в художе-

ственной структуре произведения присутствуют элементы научного дискурса, в частности рассуждения об истории, демографии, литературной критике, что позволяет назвать его романом-трактатом, а отклики на злободневные события и явления современной писателю политической и духовной жизни (противостояние католиков и гугенотов, сопротивление короля и Парижского парламента, дискуссия о «Конституции», булле Папы Римского Климента XI, экономический кризис, вызванный финансовой реформой авантюриста Д. Ло) сближают его с романом-памфлетом и дают представление об актуальном для того времени образе Франции. Гетерогенность жанрового состава «Персидских писем» важна для осуществления комплексного, многостороннего имагологического анализа, причем не только на уровне глобальной бинарной оппозиции «Запад – Восток», которую репрезентируют образы Франции и Персии, но и в плане рецепции писателем образов других стран – Италии, Испании, Турции, России, причем представителем «наблюдающей» нации становится не только житель Азии, но и европеец.

Политекстовый характер романа обусловлен как его свободной эпистолярной формой, так и избранным Монтескье жанром травелога (псевдотравелога), самым продуктивным в плане передачи имагологического содержания, синкретичным по своей природе, способным соединять в себе различные виды дискурсов, факт и вымысел, причем в случае «Персидских писем», как и в философских повестях Вольтера, происходит характерное для рококо пародирование традиционной для того времени формы романа путешествий, ее обогащения философской, социально-этической и имагологически значимой проблематикой.

В период создания «Персидских писем» происходило расширение культурных контактов европейских стран с государствами Востока, благодаря растущему книгоизданию публика систематически знакомились с экзотическими цивилизациями, образом жизни в Персии, Китае, Индии и других ориентальных странах, описанных в множестве отчетов о путешествиях, таких как «Шесть путешествий» Ж.-Б. Тавернье (1676), «Путешествие в Персию» Ж. Шардена (1686), «Письма турецкого шпиона» Д. Мараны (1687–1693), «Новые мемуары о современном состоянии Китая» Луи Ле Конта (1697). Непосредственное влияние на Монтескье как создателя «Персидских писем» оказали сочинения Тавернье и Шардена. Все названные произведения имели безусловную имагологическую значимость, как и любой травелог, поскольку литература о путешествиях всегда выступает в роли культурного посредника, выстраивает «отношения “инаковости” из знакомых понятий и известных фактов (с помощью аналогии, преувеличения или противопоставления)» [14, р. 446], при этом в традиционных травелогах преобладает так называемая этноцентрическая тенденция, которая проявляется «в представлении неизвестного посредством известного» [14, р. 448]. В этом смысле значение «Персидских писем» заключается в том, что они намечают иную перспективу видения национального «другого», в основе которой идея культурного релятивизма, дающего возможность писателю через сопоставление национального «своего» с образами иных культур, народов, или гетерообразами, получить более объективное представление об автообразе, подвергнуть его рефлексии.

Средством акцентирования относительности национально-культурных стандартов в романе служит, как уже отмечалось, прием остранения, который, по В. Б. Шкловскому, предполагает нарушение «традиции», умение представить привычное в необычном, неожиданном свете, в новом ракурсе видения, подвергающем ревизии стереотипы восприятия. В качестве одного из способов остранения ученый называл организацию повествования от лица «скрытого» в рассказчике «простака». В данной функции в романе Монтескье выступают «наивные» авторы писем, Узбек и Рика. В романах подобного типа «протагонисты чаще всего воплощают позицию наивного здравого смысла (или наоборот, просвещенного сознания) и становятся наблюдателями и судьями чужой цивилизации» [3, с. 98], и особенностью «Персидских писем» является то, что их герои являются носителями и «естественного», и просвещенного сознания, выражая идейную программу автора, его мировидение.

Монтескье как просветитель на первый план выводит философию естественных прав человека и распространяет на политику и международные отношения этический идеал справедливости, который он истолковывает вне связи с теологическими представлениями. Реализация природой данных человеку прав невозможна в состоянии несвободы, поэтому писатель так много внимания уделяет сатирическому изображению придворных нравов Франции, пороков любой авторитарной власти, будь то монархическое правление Людовика XIV или персидская деспотия (письма VIII, XXIV, XXXVII).

Критику деспотии как формы правления Монтескье соединяет с характеристиками темпераментов восточных народов, утверждая, например, что персы «не отличаются живостью французов», их «радости суровы, и они почти всегда являются проявлением авторитета и следствием зависимости» (письмо XXIV) [5, с. 61]. «У нас все характеры однообразны, потому что все они вымучены, – сетует Рика в письме к Узбеку, – мы видим людей не такими, каковы они есть на самом деле, а такими, какими их принуждают быть. В этом порабощении сердца и ума слышится только голос страха, – а у страха лишь один язык; это не голос природы, которая выражается столь многообразно и проявляется в столь многих формах» (письмо LXIII) [5, с. 105].

Ориентальной «скованности» чувств автор «Персидских писем» противопоставляет свободу, а порой и разнузданность французских нравов, сосредоточенность французов на щегольстве, азартных играх, чувственных радостях, нередко прикрываемую маской мнимой добродетели. Изображая общественные пороки, Монтескье обращается как к прямой характеристике (к примеру, Рика сообщает о разговоре с судьей, откровенно поведавшим ему, что купил свою должность за деньги), так и к опосредованной имагологической репрезентации, когда позицию автора выражает французский собеседник нарратора-перса: Узбек рассказывает о визите на дачу французского аристократа, где наблюдает за его высокими гостями, чей социальный и моральный статус комментирует их соотечественник, с которым он сблизился. Взору перса предстают важный господин, похваляющийся связями с министрами (он оказывается низкородным откупщиком), духовник, обличающий пороки перед паствой, при этом «покладистый, как агнец» в частной жизни, поэт – приживала, угождающий хозяину. Монтескье вкладывает в уста собеседника Узбека сентенцию о том, что «люди, которых почитают принадлежащими к избранному обществу, отличаются от остальных лишь тем, что обладают более утонченными пороками, и, пожалуй, дело обстоит здесь так же, как с ядами: чем тоньше они, тем опаснее» (письмо XLVIII) [5, с. 81].

Критика писателя приобретает тотальный характер: ее объектами становятся король, министры с их «душевной низостью», алчные придворные, клирики, бесконечно спорящие о вере и при этом стремящиеся «перещеголять друг друга несоблюдением ее правил» [5, с. 76], писатели, «увекочивающие глупости», и издатели, их публикующие, французская Академия, гиперболически и метафорически представленная в виде тела с сорока головами, чьи уши «хотят упиваться только размеренной речью и гармонией» [5, с. 125].

Имагологическая репрезентация в «Персидских письмах» постоянно расширяет свой географический ареал, выходя за пределы оппозиции Франции и Персии: автор посвящает отдельные письма образам Испании и Португалии, России, дает обзорные характеристики Англии, Германии, Голландии, Италии, Польши, – причем ее субъектами становятся не Узбек и Рика, а их корреспонденты, носители различных этнических идентичностей. Таким образом, одной из особенностей конструирования национальных образов в романе является ведение не прямой имагологической репрезентации (видный нидерландский компаративист Й. Леерссен называет ее «телескопическим нарративом»): как уже говорилось, одной из целей Монтескье была сатира на пороки светской власти и духовенства, и наиболее эффективным способом ее реализации стало нарративное посредничество экзотических персонажей, цитирующих высказывания анонимных французских собеседников, как, например, в случае, когда Рика озвучивает «феминистскую» позицию некоего галантного философа в письме XXXVIII, посвященном взаимоотношениям полов. Таким образом, «рассказчик-перс становится просто «цитирующим голосом», представляющим французские по существу оценки под тончайшим покровом экзотики, с тем чтобы они соответствовали требованиям выбранного жанра» – псевдоориентального романа [12, р. 139].

В частности, Рика направляет Узбеку копию письма француза, проживавшего в Испании (письмо LXXXVIII), и имагологическое представление становится опосредованным, а основными его приемами Монтескье делает иронию, гиперболу, гротеск. Выдающейся чертой характера испанцев автор называет серьезность, которая проявляется «преимущественно в двух видах: в очках и усах». «Заядлые враги труда», они всегда влюблены и подвержены чувству ревности: «они весьма остерегаются предоставить своих жен предприимчивости какого-нибудь израненного вояки или дряхлого судьи, зато смело запрут их с любым робко потупляющим взоры послушником или дюжим францисканцем-воспитателем. Они позволяют женам появляться с открытой грудью, но не желают, чтобы у них был виден хотя бы кончик ноги» [5, с. 132].

Парадоксальные логические построения и комические преувеличения, используемые для характеристики национального характера, быта, привычек жителей страны, распростра-

няются писателем и на сферу их социальной, духовной жизни. С иронией пишет он об устойчивости религиозных институций испанцев: те из них, кого «не жгут на кострах, по-видимому, так привязаны к инквизиции, что было бы просто нехорошо отнять ее у них» [5, с. 133]. Автор письма, противник религиозного фанатизма, предлагает учредить «вторую инквизицию» – «не для еретиков, а для ересиархов», которые «обоготворяют все, что они почитают, и до того набожны, что их едва ли можно считать христианами» [5, с. 133]. Негативные оценки автора получает и литература Испании, в которой нет «ума и здравого смысла», присущего, в целом, ее гражданам.

Об упадке некогда могущественной страны, миф о которой как о сказочном и таинственном месте культивировался во Франции начиная с XV века, Монтескье повествует с присущей ему иронией: испанцы «говорят, что солнце восходит и заходит в их стране, но нужно также заметить, что на своем пути оно встречает одни только разрушенные деревни и пустынные местности» [5, с. 133].

Негативный имагообраз Испании, созданный в «Персидских письмах», в целом соответствует общей тенденции ее рецепции во французской литературе и публицистике XVIII столетия, которая была выражена также в сочинениях Вольтера и Дидро и предполагала видение Испании как антипода просвещенной Франции, представление о ней как о стране, укорененной в прошлом, находящейся в состоянии политического и экономического упадка и при этом «продолжающей взирать на мир с насмешливым высокомерием, соединенным с чувством горечи и боли» [13, с. 245]. Французские просветители были уверены в том, что религиозная нетерпимость была главным препятствием на пути Испании к прогрессу. Отметим при этом, что Рика дистанцируется от оценок, данных в письме французского адресанта, понимая субъективность восприятия инонационального, его зависимость от существующих стереотипов, а возможно, и нациофобий: «Я был бы не прочь, Узбек, взглянуть на письмо, написанное в Мадрид каким-нибудь испанцем, путешествующим по Франции; думаю, что он бы с лихвой отомстил за свой народ» [5, с. 133].

По-иному представлена в «Персидских письмах» Россия: центральное место в письме LI, отправленном Узбеку Наргумом, персидским послом в Московии, занимает комический фрагмент с эпистолярной интерполяцией, рассказывающий о странностях любви русских женщин: «Москвитянка», по словам автора, «не верит, что сердце мужа принадлежит ей, если он ее не колотит. Тогда его поведение считается свидетельством непростительного равнодушия» [5, с. 87]. Во вставном письме русская женщина обещает своей матери, что постарается «любой ценой заслужить любовь мужа». Этот гетеростереотип вписывается в общий имагологический дискурс о России в Западной Европе того времени, подчеркивая варварство русских. Среди прочих распространенных представлений о России, воспроизводимых в письме Наргума, следует отметить большую территорию страны, ее суровый климат, состояние невольности ее жителей, которых автор называет рабами, – последняя оценка, по меткому наблюдению В. П. Трыкова, «вложенная в уста перса-азиата, призвана была усугубить представление о русском «варварстве» и «рабстве», как, впрочем, и упоминание о Сибири, куда ссылают опальных вельмож» [10, с. 75]. При этом автор с явной симпатией говорит о деятельности «беспокойного и стремительного» Петра I, который «стремится к тому, чтобы процветали искусства, и ничем не пренебрегает, чтобы прославить в Европе и Азии свой народ, до сих пор всеми забытый и известный только у себя на родине» [5, с. 88].

Имагологическая «карта» «Персидских писем» расширяется в письме CXXXVI, в котором хранитель одной из библиотек рассказывает Рике о содержании вверенных ему книг, что становится поводом порассуждать о положении различных стран, их исторической судьбе, их народах. Германия, по мнению историков, укрепляется, когда терпит поражения; Англия, народ которой «нетерпеливый, но мудрый в самом своем неистовстве, стал повелителем морей [...] и сочетает торговлю с властью», заслуживает похвал, как и Голландия, «столь уважаемая в Европе и столь грозная в Азии» [5, с. 221–222]. Но самые поэтичные строки посвящены Франции, развитие которой циклично и включает периоды упадка и подъема: «она подобна реке, которая то мелеет или оказывается под землей, то, снова появившись и расширившись благодаря притокам, быстро увлекает за собою все, что противится ее течению» [5, с. 222].

Сравнение культурно-исторических путей различных этносов привело Монтескье к выводу о том, что естественные законы подвергаются корректировке национальными традициями: «то, что у одних народов считается естественным, как бы продиктованным самой природой, – отвергается, осуждается и преследуется другими как извращение ее» [9, с. 250].

Выявляя относительность культурных стандартов различных наций, автор «Персидских писем» обнаруживал и типологические сходства в историко-политической, этнографической и других сферах, схождения, которые он использовал для философско-исторических обобщений и в качестве инструмента имагологического анализа: в частности, повествуя о гонениях на армян и гебров в Персии, имевших драматические последствия для экономики этой страны, он имплицитно проецировал их на ситуацию во Франции, где отмена Нантского эдикта привела к массовому исходу гугенотов; в XIX письме описываются путевые впечатления Узбека, шокированного упадком хозяйства Турции, который Монтескье связывает с процветающим в стране взяточничеством, с тем, что паши получают свои должности за деньги и разоряют вверенные им провинции, – эта ориентальная зарисовка, по замыслу писателя, должна была вызвать у его читателей ассоциацию с государственным управлением во Франции.

Ориентальное, таким образом, служит для создания «очужденного» образа Франции и других стран, а среди средств реализации приема остранения помимо исторических аналогий автор «Персидских писем» использует разного рода имплицитивы, включающие эквивалентные замены французских слов персидскими и арабскими (священник – дервиш, Библия – Коран, церковь – мечеть), перифразы и перифрастические аллюзии (Святая Троица – «три – это один», Библия – «книга, принесенная с неба», Папа Римский – «старый идол, которому кадят по привычке», четки – деревянные зернышки, словарь Французской Академии – Свод постановлений); об инквизиторах Монтескье пишет как о «дервишах», которые «жгут людей как соломую»). В тексте упоминаются «христианский муфтий», «великий визирь Германии» и другие персонажи, чьи звания и должности контаминируются или ассоциируются с их восточными аналогами. Это делается не просто для экзотизации, ориентализации европейского культурного текста, но, в первую очередь, служит подтверждением принципиальной позиции Монтескье, находившего немало общего в традиционных верованиях и укладах жизни различных народов.

С другой стороны, названные средства помогают писателю говорить эзоповым языком, усиливать эффекты сатиры и представлять привычные национальные реалии как вновь явленные читательскому сознанию и подвергнутые «десакрализации» (Я. Старобинский использует именно это понятие для характеристики остранения в «Персидских письмах»). В романе имеется немало примеров смыслового потенцирования информации, фраз, требующих декодирования, семантического разворачивания: например, когда Монтескье устами Узбека сообщает, что «король Франции стар», то он имеет в виду общее одряхление монархического института и собственную невысокую оценку деятельности Людовика XIV.

Й. Леерссен обращает внимание на двойственность, амбигитивность «персидского» нарратива: с одной стороны, как мы уже видели, перс-повествователь выступает в романе в роли посредника коммуникации между европейцами, с другой – опосредует имагологическое взаимодействие между европейской аудиторией и ориентальными адресатами писем Узбека и Рики [12, р. 140]. В частности, эта вторая сторона национального текста «Персидских писем» ярко проявилась в письме XXXIV, в котором Узбек разъясняет своему соотечественнику порядки в гареме, о которых он должен быть и без того хорошо осведомлен, и здесь очевидно авторское намерение Монтескье, определявшего адресатом письма европейского читателя, – интенция эта была направлена на «опосредованное» погружение аудитории в инокультуру и, возможно, декодирование важнейшей идейной посылки писателя, смысл которой заключается в соотнесении гарема (восточной деспотии) и западного абсолютизма, способного переродиться в тираническую форму правления.

Имагологическая репрезентация в романе постоянно усложняется: дискурс о «чужом» приобретает многоуровневую структуру, фокус повествования перемещается от «европейского» к «персидскому» и обратно, «от Монтескье к выразителям его позиции Узбеку и Рике, затем к Европе, которую они наблюдают, и к европейцам, которых они цитируют, затем к их корреспондентам-соотечественникам и затем снова к европейским читателям», и в итоге в сознании аудитории формируется «отчасти реальный, отчасти вымышленный» образ Персии и других стран [12, pp. 140–141].

Многовекторность и неоднозначность интерпретации национального в романе обусловлены антидогматическим характером мышления Ш. Монтескье, его стремлением к масштабным обобщениям отдельных «этнографических» фактов, представленных в сравнении, а также убежденностью в относительности культурных стандартов различных стран. Важно и то, что писатель «обратился к малоизвестным экзотическим и колониальным народам; более

того, в своем рассуждении поставил их как бы наравне с народами так называемого «цивилизированного мира» [9, с. 254] и «сумел ввести актуальную, специфически французскую проблематику своего времени в русло больших, решающих вопросов, на которых строится судьба человеческого общества. Если у публицистов XVII века обобщение и осмысление французских нравов и отношений неизбежно должно было носить универсальный, общечеловеческий, вечный характер, то у Монтескье [...] это обобщение впервые вводится в контекст мировой истории» [9, с. 239–240]. Кроме того, толерантность и космополитизм французского просветителя, стремившегося найти пути культурного диалога Запада и Востока, делают его роман особенно актуальным в наши дни.

Список литературы

1. Васильева Е. «Персидские письма»: история в романе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 180. С. 139–146.
2. Длугач Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М., 2006. 256 с.
3. Забурова Н. В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра // XVIII век: литература в контексте культуры. М. : Экон-Информ, 1999. С. 94–104.
4. Мигаль А. С. Мусульманский мир в представлениях западноевропейских интеллектуалов эпохи Просвещения : монография / А. С. Мигаль; Южный федеральный университет. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2021. 236 с.
5. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / пер. с фр.; вступ. ст. и коммент. Н. Саркитова. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2002. 512 с.
6. Монтескье: Pro et Contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция. М. : Изд-во РХГА, 2021. 860 с.
7. Мухина Г. А. «Персидские письма» Монтескье и представления об истории // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 129–137.
8. Разумовская М. В. «От «Персидских писем» до «Энциклопедии». Роман и наука во Франции в XVIII веке». СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 192 с.
9. Сигал Н. А. «Персидские письма» Монтескье как памятник просветительской философской мысли // Монтескье: Pro et Contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция. М. : Изд-во РХГА, 2021. С. 237–257.
10. Трыков В. П., Ощепков А. Р. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции : монография. М. : Директ-Медиа, 2021. 528 с.
11. Laufer R. Style rococo: style des lumières. P. : José Corti, 1963. 142 p.
12. Leerssen J. T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // Comparative Criticism. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135–154.
13. Lopez de Abiada. J. M. Spaniards // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 242–248.
14. Meier A. Travel Writing // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 446–449.
15. The Spirit of Montesquieu's "Persian Letters" / ed. C. C. Vassiliou, J. Church, and A. Fumurescu. L. : The Rowman and Littlefield Publishing Group, 2023. 292 p.

Genre-content aspects of imagological representation in Montesquieu's novel "Persian Letters"

Polyakov Oleg Yuryevich

Doctor of Philology, professor, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of the construction of national images in S. Montesquieu's novel "Persian Letters" based on the analysis of the interaction of imagological and genre strategies of the author.

The main characteristics of the imagological representation in the work are the deliberate exotisation of the national narrative and the relative static nature of the narrators, observers of the national "Others", contributing to the most effective use in the novel of the technique of detachment, "wandering vision" of the foreign cultural environment, which allowed to create an atmosphere of conventionality of the narrative, to emphasize the contrast of the civilizational worlds of the West and the East.

Imagological representation in "Persian Letters" is carried out within the framework of multi-genre strategies, in the unity of the factual and fictional: the documentary beginning makes it possible to use an off-plot form of

realization of the imagological content of the novel, and the plot level of the text is to express the author's views on the national and, more broadly, the philosophical program based on fiction, convention, using allegory.

The heterogeneous genre form chosen by Montesquieu, which includes the features of the poetics of the epistolary novel, travelogue, treatise and pamphlet, corresponded to his plan and contributed to the implementation of a comprehensive, multilateral imagological analysis both at the level of the global binary opposition "West – East", which is represented by the images of France and Persia, and in terms of the writer's reception of images of other countries – Italy, Spain, Turkey, Russia, and the representative of the "observing" nation is not only a resident of Asia, but also a European, whose assessments are referred to by the authors of the letters, and, thus, indirect imagological representation is carried out.

The multi-vector nature and ambiguity of the interpretation of the national in the novel are due to the anti-dogmatic nature of S. Montesquieu's thinking, his desire for large-scale generalizations of individual "ethnographic" facts presented in comparison, as well as his conviction in the relativity of cultural standards of various countries.

The significance of the "Persian Letters" lies in the fact that they outline a new perspective of the vision of the national "other", which is based on the idea of cultural relativism, which enables the writer through the comparison of the national "his" with the images of other cultures, peoples, or hetero-images, to get a more objective idea of the national self-image, to subject it to reflection.

Keywords: imagology, national image, representation, estrangement, travelogue.

References

1. Vasil'eva E. "Persidskie pis'ma": istoriya v romane ["Persian letters": a story in a novel] // *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* – Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2008. Vol. 180. Pp. 139–146.
2. Dlugach T. B. *Tri portreta epohi Prosveshcheniya. Montes'yo. Vol'ter. Russo (ot koncepcii prosveshchennogo absolyutizma k teoriyam grazhdanskogo obshchestva* [Three Portraits of the Enlightenment. Montesquieu. Voltaire. Rousseau (from the concept of enlightened absolutism to the theories of civil society)]. M. 2006. 256 p.
3. Zababurova N. V. *Francuzskij filosofskij roman XVIII veka: samosoznanie zhanra* [French philosophical novel of the XVIII century: self-awareness of the genre] // *XVIII vek: literatura v kontekste kul'tury* – XVIII century: literature in the context of culture. M. Ekon-Inform. 1999. Pp. 94–104.
4. Migal' A. S. *Musul'manskij mir v predstavleniyah zapadnoevropejskih intellektualov epohi Prosveshcheniya : monografiya* [The Muslim world in the views of Western European intellectuals of the Enlightenment : monograph] / A. S. Migal; Southern Federal University. Rostov-na-Donu; Taganrog. Publishing House of the Southern Federal University. 2021. 236 p.
5. Montesquieu Sh. L. *Persidskie pis'ma. Razmyshleniya o prichinah velichiya i padeniya rimlyan* [Persian letters. Reflections on the causes of the greatness and fall of the Romans] / transl. from Fr.; introd. art. and comments by N. Sarkitova. M. CANON-press-C : Kuchkovo pole. 2002. 512 p.
6. *Montesk'e: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Montesk'e v Rossii: perevody, issledovaniya, recepciya* – Montesquieu: Pro et Contra. Montesquieu's personality and creativity in Russia: translations, research, reception. M. Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 2021. 860 p.
7. Muhina G. A. "Persidskie pis'ma" Montesk'e i predstavleniya ob istorii ["Persian letters" by Montesquieu and ideas about history] // *Vestnik Omskogo universiteta* – Herald of Omsk University. 2009. No. 3. Pp. 129–137.
8. Razumovskaya M. V. "Ot "Persidskih pisem" do "Enciklopedii". *Roman i nauka vo Francii v XVIII veke* ["From "Persian letters" to "Encyclopedia". The novel and science in France in the XVIII century"]. SPb. Publishing House of St. Petersburg State University. 1994. 192 p.
9. Segal N. A. "Persidskie pis'ma" Montesk'e kak pamyatnik prosvetitel'skoj filosofskoj mysli ["Persian letters" by Montesquieu as a monument of enlightenment philosophical thought] // *Montesk'e: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo Montesk'e v Rossii: perevody, issledovaniya, recepciya* – Montesquieu: Pro et Contra. Montesquieu's personality and creativity in Russia: Translations, Research, reception. M. Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 2021. Pp. 237–257.
10. Trykov V. P., Oshchepkov A. R. *Russkaya neznakomka vo francuzskoj "respublike slovesnosti": Obraz Rossii v literaturnom soznanii Francii : monografiya* [The Russian stranger in the French "Republic of Literature": The image of Russia in the literary consciousness of France : monograph]. M. Direct-Media. 2021. 528 p.
11. Laufer R. *Style rococo: style des lumières*. P. : José Corti, 1963.
12. Leerssen J. T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // *Comparative Criticism*. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135–154.
13. Lopez de Abiada. J. M. *Spaniards // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey* / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 242–248.
14. Meier A. *Travel Writing // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey* / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam : Rodopi, 2007. Pp. 446–449.
15. *The Spirit of Montesquieu's "Persian Letters"* / ed. C. C. Vassiliou, J. Church, and A. Fumurescu. L. : The Rowman and Littlefield Publishing Group, 2023. 292 p.